

У Бай Цзи раскалывалась голова.

Сколько бы он ни размышлял, он никак не мог взять в толк, чем насолил похитителям. Да, он изучал множество ядов, но применял их крайне редко — вряд ли он мог лишить кого-то жизни, даже не заметив этого.

Слава богу, Цзи Сюнь успел вовремя, иначе этот злосчастный случай точно отправил бы его на небеса.

Чу Чжаохуай не мог разгадать замыслов князя и лишь хмурился, погруженный в мучительные думы.

«Однако, по логике вещей, Цзи Сюнь уже должен был раскрыть мою личность. Почему же он не швырнул меня обратно в усадьбу маркиза Чжэньюань, чтобы потребовать объяснений?»

Цзи И всё мялся и не уходил, не спеша очищая мушмулу.

Во рту у юноши стояла горечь, смешанная со слабым привкусом крови после приступа; аппетита не было вовсе. Единственное, чего ему хотелось — это снова провалиться в сон и разобраться со всем позже. Видя, что Шицзы не торопится покидать покои, Чжаохуаю пришлось вежливо намекнуть на уход.

— У Шицзы есть еще какие-то дела?

— А? — Цзи И встрепнулся и негромко спросил: — Лян Фан пьет твои отвары уже три дня, и эта его вечная сонливость стала не такой сильной. Кхм... Он... просил меня узнать...

— Я помню, — отозвался Чу Чжаохуай. — Завтра после проверки пульса я смогу провести ему иглокалывание.

Наследник замер, неловко отвел взгляд и едва слышно пробормотал:

— Я... я не об этом. Ты болен, не нужно спешить...

Лекарь не расслышал и переспросил в недоумении:

— Что вы сказали?

Обычно этот юноша трещал без умолку, словно подоженная петарда, отчего же сегодня он

говорит так тихо и мягко?

— Ничего, — Шицзы прочистил горло, делая вид, что ему всё равно. — Слышал, у тебя нелады с сердцем. Раз ты такой искусный лекарь, почему не вылечишь сам себя?

— Я ведь не божество, — ответил Чжаохуай. — Не всякий недуг подвластен медицине.

Цзи И опешил:

— И всё... всё серьезно?

Чжаохуай окончательно растерялся. Почему этот молодой человек вдруг стал таким словоохотливым? Все мысли юноши были заняты поведением Цзин-вана, поэтому он ответил невпопад:

— Раз я до сих пор жив и не умер, значит, не так уж и серьезно.

Собеседник нахмурился:

— Как можно так беспечно об этом говорить?

— Не серьезно, честное слово, — отмахнулся Чжаохуай. — Если Шицзы так любопытно, может, мне прямо сейчас упасть в обморок, чтобы вы посмотрели?

Цзи И: «...»

Этот человек умел обрывать разговор не хуже своего отца.

На сей раз он не вылетел из комнаты в ярости, а чинно поднялся и впервые за всё время произнес нечто человеческое:

— Тогда поправляйся. Завтра мы с Лян Фаном придем навестить тебя.

— Хорошо.

Только тогда Цзи И ушел.

Близилась сумерки, небо на горизонте окрасилось в багряные и золотые тона.

Из дворца прибыл указ: Цзин-вану была выражена высочайшая похвала за разгром бандитов. В награду ему пожаловали сотню золотых слитков и милостиво сократили срок штрафного удержания жалованья на два года.

Цзи Сюнь принял дары и с едва заметной усмешкой выпроводил посланника.

Охранник в маске покатил инвалидное кресло обратно во внутренний двор. Убедившись, что поблизости никого нет, он негромко произнес:

— Видел бы ты сегодняшнее утреннее собрание. Государь превозносил тебя до небес. Подумаешь, шайку разбойников разогнал, а со стороны послушать — так ты не меньше, чем весь Северо-Запад усмирил.

— Тебе что, опять заняться нечем? — недовольно бросил Цзи Сюнь.

Лу Уцзи лишь усмехнулся, пропустив колкость мимо ушей:

— Когда я возвращался во дворец вместе с командующим Линем, слышал, как он ябедничал императору. Мол, ты требуешь себе еще штук десять Ванфэй, да так язвительно об этом говорил... Что, нынешний супруг пришелся не по вкусу?

— Какая разница, — отозвался князь.

Лу-дажэнь знал о его неспособности запоминать лица, но всё же удивился:

— Раз не по вкусу, зачем тогда было устраивать такую бурю ради этой «красавицы»? Неужто Ванфэй обладает какими-то скрытыми талантами?

Цзи Сюнь, закинув ногу на ногу, промолчал.

— Значит, внешность выдающаяся? — продолжал Лу Уцзи. — Хотя вряд ли. Говорят, он похож на Чу Чжаоцзяна, а тот, прямо скажем, красотой не блещет.

Он сказал это мимоходом, но князь внезапно замер.

Обычно, когда речь заходила о самых близких людях — будь то Цзи И или Инь Чжуншань, — в памяти Цзи Сюня всплывали лишь туманные образы с неразличимыми чертами. В брачную ночь Чу Чжаоухуай предстал перед ним в своем нелепом гриме, и мужчина просто решил, что его восприятие снова дало сбой, и тут же забыл об этом.

Но после слов Лу Уцзи перед глазами вдруг возник не расплывчатый силуэт.

Маленькая родинка на щеке — словно случайная капля туши на чистом белом листе, вокруг которой постепенно проступали очертания бровей, глаз, губ... Юноша дрожал, его бледное, измученное болезнью лицо было в пятнах слез, а затуманенный взгляд растерянно искал опору.

Образ вспыхнул и исчез.

— Ванъе? — окликнул его Лу Уцзи.

Цзи Сюнь мгновенно пришел в себя и безразлично обронил:

— Обычная внешность, ничего особенного. Держу его просто для забавы.

Лу-дажэнь кивнул:

— Ну, я так и думал.

Он всегда считал, что от такого мужлана, как Чу Цзин, вряд ли родится истинная жемчужина.

— Усадьба маркиза Чжэньюань хоть и сдала позиции, но корни у них глубокие. К тому же Чухоу служит в Министерстве чинов и является верной опорой Наследного принца. Тот инспектор, что проверяет счета в Цзиньлине — тоже из его людей. Лучше бы нам избавиться от него поскорее.

Цзи Сюнь взглянул на него и не выдержал:

— Твоя болтливость — это что, взятый в аренду дар? Скажи, сколько ты за него платишь, я дам вдвое больше, лишь бы ты снова стал тем дерзким юнцом, что когда-то пытался заколоть меня кинжалом.

Лу Уцзи: «...»

Прошлой ночью выпал снег, и во дворе намело глубокие сугробы, по которым было трудно проехать.

Лу-дажэнь катил кресло по крытой галерее к покоям, и, несмотря на брань князя, продолжал беспокоиться о его делах:

— Подмена на свадьбе — отличный козырь. Завтра ведь дворцовый банкет? Раз тебе не дорог

Чу Чжаохуай, используй его как приманку, чтобы разом покончить с маркизом и закрыть этот вопрос.

Цзи Сюнь коснулся пальцами Золотого посоха с навершием в виде голубя; взгляд его был холоден — казалось, он прикидывает, не огреть ли им собеседника.

Едва Лу Уцзи замолчал, он невольно проследил за взглядом господина и замер.

В покоях Цзин-вана обычно не было слуг, там царила тишина. На снежный двор опустились вечерние сумерки, расцветенные отблесками заката, и даже грозная усадьба Цзин-вана словно подернулась мягким медовым светом.

Под сливовым деревом стоял Чу Чжаохуай в тяжелом черном меховом плаще. Белоснежная лисья оторочка мягко обнимала его шею. Глаза были открыты — без повязки он стоял, чуть запрокинув голову, словно любясь цветами сливы.

Услышав шум, он обернулся. В лучах заходящего солнца его болезненная бледность казалась чуть теплее.

Лу Уцзи, будучи воином, мало смыслил в поэзии, но при виде этой картины в его сознании сама собой всплыла строка: «Душа — осенние воды, кости — чистый нефрит».

«И это — обычная внешность, ничего особенного?! — потрясенно подумал командующий. — Видимо, безумие Бога Несчастий прогрессирует»

Цзи Сюнь медленно отвел взгляд, поглаживая большим пальцем инкрустированное око голубя на посохе, и сухо произнес:

— Что ты там стоишь? Того и гляди, снова простудишься.

Чжаохуай вздрогнул, и лицо его мгновенно побелело.

За годы врачевания Бай Цзи наглядился на умирающих, прикованных к постели. Он ненавидел этот запах тлена и увядания, сопутствующий смерти, и если у него хватало сил хотя бы стоять, он никогда не позволял себе лежать.

Едва приняв лекарство, он, преодолевая слабость, оделся и встал. Его прежняя одежда была выброшена наемниками, и на спинке кровати висел лишь черный плащ, оставленный Цзи Сюнем. Чжаохуай накинул его и, долго размышляя, решил: будь что будет, нужно объясниться с князем.

Но стоило ему выйти за порог, как он, не успев найти Чжао Бо, столкнулся с хозяином дома.

Вся его храбрость вмиг испарилась. В горле пересохло, снова возник этот металлический привкус крови. Плотно запахнув полы плаща, он едва слышно пролепетал:

— Ванъе...

Цзи Сюнь коротко кивнул и велел Лу Уцзи катить его в спальню. Чжаохуай, пошатываясь, поплелся следом.

Лу-дажэнь не сводил глаз с князя. Раньше он гадал, почему Цзин-ван так двусмысленно ведет себя с подставным Ванфэй. Ведь это такой рычаг давления! Предъяви он его вовремя — и маркиз давно бы уже не смел и голову поднять. А Цзи Сюнь медлил. Теперь всё стало ясно — он просто пленился его красотой.

— Можешь идти, — бросил князь, покосившись на него.

Лу Уцзи, не смея перечить, удалился, бросая на господина красноречивые взгляды.

Чу Чжаохуай стоял посреди комнаты, бледный как полотно; его тело слегка покачивалось от слабости.

— Сядь, — велел Цзи Сюнь.

— Я... я лучше постою, — выдавил юноша.

Князь поднял на него взгляд и сухо спросил:

— Нога уже не болит?

Чжаохуай осекся. Голень, исцарапанная камнями, была забинтована в несколько слоев, и из-за того, что он пренебрег отдыхом, рана начала ныть. Однако он всё равно не решался сесть — его мучило чувство вины. Цзи Сюнь был так добр к нему, а он с самого начала обманывал его.

Ванъе, подперев голову рукой, наблюдал за ним. Он хотел было поддразнить его, но, вспомнив наказ лекаря, сдержал колкость и предложил вполне серьезно:

— Может, мне велеть соорудить для Ванфэй стул из золотых слитков?

Чу Чжаохуай: «...»

Опешив от этой неприкрытой иронии, он покорно опустился на стул. Колкий нрав князя стал еще невыносимее — должно быть, он и впрямь в ярости.

Усадив юношу, Цзи Сюнь спросил:

— У Ванфэй есть что сказать?

«Чему быть, того не миновать».

Чу Чжаохуай глубоко вздохнул и начал издали:

— Благодарю Ванье за спасение моей жизни прошлой ночью.

— Ванфэй уже прошел со мной обряд поклонения, — с улыбкой отозвался Цзи Сюнь. — Разумеется, я не мог оставить тебя в беде.

Видя, что князь не заводит разговор о его внешности и подмене, Чжаохуай попытался зайти с другой стороны:

— Те разбойники... это мои враги из Цзяннани. Если бы не своевременная помощь Ванье, я бы давно уже был на небесах. Этот долг мне не выплатить вовек.

Он упомянул и Цзяннань, и врагов — Цзи Сюнь ведь должен был всё понять. Юноша замер в тягостном ожидании.

— Хм, — отозвался князь. — Пустые слова делу не помогут. Как именно Ванфэй намерен отблагодарить меня?

Чу Чжаохуай: «...»

Он едва не задохнулся от возмущения.

«Что-то здесь не так. Все ведь твердят, что Цзин-ван хитер как лис — неужели после таких явных намеков он до сих пор не заподозрил неладное?»

Сердце Чжаохуая снова екнуло, и он, не успев подумать, выпалил:

— Ванье уже знает, кто я такой?

Цзи Сюнь удивился еще больше:

— Неужели Ванфэй всерьез полагал, что умеет хорошо скрываться?

Чу Чжаохуай: «...»

Огромный камень свалился с его души, но от облегчения по лбу покатился холодный пот. Раз Цзи Сюнь знает правду и всё равно держит его при себе, называя «Ванфэй», значит, он не разгневан.

Чжаохуай тихо выдохнул, унимая тупую боль в груди. Перестав скрывать свой цзяннаньский акцент, он осторожно спросил:

— И когда... когда Ванье это понял?

Собеседник пригубил остывший чай:

— Вчера, когда спасал тебя.

Чжаохуай облегченно выдохнул. Хорошо, значит, не так давно. Он прочистил горло и выдал заготовленную речь:

— Я... я вовсе не хотел обманом входить в ваш дом. Если Ванье не по душе этот брак, я немедленно соберу вещи и покину усадьбу.

Это был хитрый ход: он рассчитывал, что князю не нужен хилый болезненный супруг, который к тому же выглядит столь пугающе во время приступов. Чжаохуай сам уйдет, а потом Ванье сможет заставить маркиза прислать Чу Чжаоцзяна...

Пока он строил планы, Цзи Сюнь внезапно рассмеялся. Юноша растерянно поднял на него взгляд. Князь, лениво перебирая медные монетки в руках, проговорил:

— Только что Ванфэй рассыпался в благодарностях за спасение жизни, а теперь, спустя пару мгновений, уже хочет откреститься от меня?

Чжаохуай опешил.

— Так как же ты намерен отблагодарить меня? — повторил Цзи Сюнь.

Сердце юноши всё еще побаливало после приступа, мысли путались, и под напором Ванье он ляпнул первое, что пришло в голову:

— Может... угостить Ванье обедом?

Едва сказав это, он мысленно обругал себя за мелочность. Князь — особа императорской

крови, он пробовал лучшие деликатесы мира, к чему ему какой-то обед? Но Цзи Сюнь согласился:

— Хорошо. Не будем откладывать. Пусть это будет сегодня, пока Ванфэй не успел передумать.

Чу Чжаохуай: «...»

Он был совершенно сбит с толку.

«Разве разоблачение не должно было сопровождаться громом и молниями? Я даже припас пару пилюль под языком на случай приступа от страха. Но вместо ярости — теплый весенний ветерок и мирный ужин?»

Чжаохуай неуверенно кивнул. Лишь бы Ванье не сердился.

— Тогда... нам нужно выйти в город?

— Ни к чему, — Цзи Сюнь подозвал командующего Инь Чжуншаня и приказал: — Пошли людей в Башню Цзяофо, пусть привезут поваров сюда.

Чу Чжаохуай: «...»

«Так вот как едят в императорской семье? — он снова остро почувствовал свою бедность. — Даже поваров везут прямо в усадьбу»

Повара из Башни Цзяофо прибыли стремительно. Еще не зашло солнце, а шесть мастеров уже дрожали на коленях, поднося дощечки с названиями блюд. Глядя на спокойствие Цзи Сюня, Чжаохуай окончательно успокоился и даже с интересом принялся изучать меню.

О Башне Цзяофо он слышал еще в Цзяннани — это было место невообразимой роскоши, где даже палочки для еды были из чистого золота, а гостям не было конца. Обедать там могли только самые знатные и богатые люди. Вспомнив аппетит князя, он решил, что четырех блюд и супа вполне хватит. Расцветая в заискивающей улыбке, юноша спросил:

— Что Ванье желает отведать сегодня на ужин?

Цзи Сюнь, подперев щеку, посмотрел на него. Настроение у него было отменное.

— Всё что угодно? — лениво уточнил он.

Чжаохуай закивал. Ванье небрежно обвел список рукой:

— Приготовьте всё самое дорогое из меню Башни Цзяофо.

Чу Чжаохуай: «...»

Его природная бережливость дала о себе знать — он едва не лишился чувств прямо на месте.

«Ладно. Он спас мне жизнь, и это — меньше, чем я могу отплатить. Все же сокровища, полученные от Шицзы, не должны закончиться так быстро»

Заметив этот знакомый, полный немого укора взгляд, Цзи Сюнь вкрадчиво спросил:

— В чем дело?

— Ни в чем, — поспешно покачал головой юноша, пытаясь успокоиться.

Цзи Сюнь с интересом наблюдал за ним. Ему казалось забавным поведение Чжаохуая, когда тот был в повязке и думал, что его мимика скрыта. Но теперь, когда всё его недовольство читалось во взгляде, это было еще интереснее.

Пока Чжаохуай пытался примириться с тратами, он почувствовал на себе чей-то взгляд.

«Наверное, я слишком нервничаю»

С недоумением он посмотрел на князя, но тот лишь лениво перебирал сладости, даже не глядя в его сторону. Трата огромных денег на один-единственный ужин поначалу уязвила его, но аромат готовящихся блюд быстро заставил его забыть о боли в кошельке. Он принялся за еду с нескрываемым удовольствием — всё-таки еда за такие деньги была куда вкуснее обычного.

Цзи Сюнь почти не ел, лишь пригубивал охлажденное вино. Видя, что Ванъе сидит без дела, Чжаохуай почувствовал неловкость. Всё-таки он должен был его отблагодарить, а вместо этого сам уплетает за обе щеки. Припадая на раненую ногу, он встал и взял чистые палочки, решив услужить:

— Позвольте мне положить Ванъе закуски.

Цзи Сюнь усмехнулся и не стал возражать. Едва он собрался съесть кусочек, как вошел Инь Чжуншань.

— Ванъе, Чжоу Хуань вернулся.

Князь даже не поднял головы:

— И привел того человека?

— Да, он в повязке.

Чу Чжаохуай с любопытством наблюдал за происходящим. Кого это они привели? Цзи Сюнь не спеша съел несколько кусочков рыбы в кисло-сладком соусе, которые положил ему юноша, и отложил палочки. Заметив, как горят глаза Чжаохуая от любопытства, он мягко улыбнулся:

— Ванфэй желает пойти и посмотреть?

Юноша, испугавшись, что его сочтут шпионом, торопливо сел на место:

— Нет-нет, спасибо.

Цзи Сюнь рассмеялся:

— Тогда продолжай ужинать, не жди меня.

Чжаохуай не смел мешать важным делам и послушно кивнул. Инь Чжуншань подкатил кресло и увез хозяина. На усадьбу опустилась ночь, во дворе зажглись фонари. По пути Ванье лениво спросил:

— А что олень?

— Уже в усадьбе, — с каменным лицом ответил командующий Инь. — Поселили в заднем дворе, завтра покажем Ванфэй.

Цзи Сюнь лишь хмыкнул.

Чжоу Хуань, верный соратник князя, был мужчиной могучего сложения; в его жилах, казалось, текла кровь северных варваров. Шрам на лице делал его вид устрашающим. Сейчас он стоял в кабинете под светом ламп, неподвижный, словно изваяние. Услышав звук колес, он опустился на одно колено:

— Приветствую Ванье.

— Встань.

Чжоу Хуань поднялся; он еще не успел смыть дорожную пыль и выглядел утомленным. Инь Чжуншань, знавший его много лет, налил ему чашу холодного чая, призывая сначала утолить жажду.

— Спасибо, — Чжоу Хуань взял чашу и невольно скользнул взглядом по оружию соратника. — Ого! Меня не было всего месяц, а ты уже носишь меч с золотой обмоткой? Неужто Ванъе так сильно поднял тебе жалованье?

Инь Чжуншань помрачнел.

Собеседник допил чай и продолжил подлизываться к князю:

— Когда я шел сюда, видел в заднем дворе оленя. Ванъе поистине велик! Добыть оленя зимой, да еще без единой царапины... Искусство стрельбы за гранью воображения.

Цзи Сюнь: «...»

Командующий Инь, видя, что тот наступает на большую мозоль, ощутимо пнул его.

— Ты чего дерешься? — нахмурился Чжоу Хуань.

Цзи Сюнь, не желая слушать их перебранку, сухо спросил:

— Где он?

— Ах, да.

Чжоу Хуань быстро вышел и ввел в кабинет человека в белых одеждах. Незнакомец носил черную глазную повязку — такие были в моде в Цзяннани. Он изящно опустился на колени и мягко произнес:

— Приветствую Цзин-вана.

Князь прищурился, постукивая пальцами по посоху. Инь Чжуншань шагнул вперед и грубо сорвал повязку, открывая бледное лицо. Этот «Бай Цзи» был миловиден. Он почтительно коснулся лбом пола, и тонкий аромат лекарств окутал пространство вокруг него.

— ...Ничтожный раб Бай Цзи, — тихо представился он.

Цзи Сюнь рассмеялся:

— Так ты, значит, умеешь исцелять яды?

— Да, — отозвался незнакомец. — Ванъе долгие годы принимает сильные снадобья и порошок

пяти минералов, из-за чего в теле скопился жар. У меня есть способ избавить вас от этого недуга.

Князь долго и пристально смотрел на него, пока тот не начал мелко дрожать. Наконец он произнес:

— Хорошо. Тогда пусть Шэньи останется в усадьбе.

Тон Цзи Сюня был почти ласковым, но взгляд оставался ледяным.

— Будьте к нему внимательны, — отчеканил он. — Принимайте как самого почетного гостя.

После болезни Чу Чжаохуай не смог осилить и половины деликатесов и вскоре, поникший, вернулся в свою спальню. Всё пошло совсем не так, как он предполагал. Тревога не давала ему покоя.

«Цзи Сюнь узнал мою тайну, но промолчал. Если он и впрямь решит оставить меня в усадьбе как настоящего Ванфэй, не выйдет ли так, что я лишь сослужу службу Чу Цзину?»

После вчерашнего похищения юноша не сомневался, что за этим стоит маркиз — без его помощи наемники не смогли бы так легко проникнуть в дом. Голова шла кругом. Чжаохуай не был создан для интриг; самое большее, на что он был способен — это пустить слух, чтобы припугнуть маркиза, но и это обернулось против него. Он лежал в темноте, и когда мысли окончательно измучили его, в голове мелькнуло пугающее:

«А может, и впрямь остаться в усадьбе и быть Ванфэй? Здесь сытно, тепло, ко мне добры, да и усадьба такая просторная. И я... я больше не буду один»

От этой мысли Чжаохуай вздрогнул и затряс головой, отгоняя наваждение. Нельзя полагаться на других — за эти годы он усвоил это как нельзя лучше. Он ворочался с боку на бок до самой полуночи, пока за дверью не раздался стук колес кресла Цзи Сюня. Юноша тут же сел в постели:

— Ванье?

Цзи Сюнь, уже переодевшийся ко сну, казался довольным:

— Еще не спишь?

— Нет.

Между его кроватью-альковом и ложем князя была лишь тонкая резная дверь. Сквозь полупрозрачную бумагу Цзи Сюнь видел силуэт юноши в свете догорающей свечи. Длинные ресницы, точеный нос и распущенные волосы, в которых читалась несвойственная этому «зайцу» небрежность. Князь не сводил глаз с тени:

— Ждал меня? Случилось что-то?

Чжаохуай послушно кивнул:

— Вы... вы не голодны?

Цзи Сюнь мысленно коснулся очертаний подбородка юноши:

— Вполне — ты только ради этого ждал?

— М-м... — юноша смутился и чуть склонил голову, так что его тень на бумаге словно прильнула к ладони князя. — Сегодня ужин прошел не совсем так, как я хотел. Если завтра Ванье будет в настроении, я угощу вас снова.

Рука князя замерла. В первую их встречу Чу Чжаохуай был напуган до смерти, он дрожал от каждого шороха, словно дикий кот. Но прошло всего десять дней, и он, кажется, отбросил всю осторожность, выставляя напоказ свою кроткую натуру. Неужели он так доверяет ему? Губы мужчины тронула теплая улыбка.

— Завтра Ванфэй сопровождает меня во дворец на банкет. Боюсь, времени не будет.

Чжаохуай оживился:

— Банкет? Там будет вкуснее, чем в Башне Цзяофо?

— Дворцовый прием — это совсем иной уровень.

Юноша снова лег, пытаясь скрыть радость, но по тени было видно, как он довольно подрагивает пальцами ног.

— Хорошо. Я поеду с Ванье.

— Засыпай, — мягко произнес Цзи Сюнь.

Чу Чжаохуай послушно задул свечу. Едва его сердце успокоилось, усталость взяла свое, и он мгновенно уснул. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием.

Цзи Сюнь сидел на краю своего ложа, глядя в сторону темного алькова. Если эта доверчивая птица узнает однажды, что хозяин растит её лишь для того, чтобы зажарить, будет ли она метаться в клетке, оглашая дом криками ужаса?

Перед глазами князя снова промелькнул блеск глаз Чу Чжаохуая, вызывая в душе странное, незнакомое чувство. Он не понимал, что это, и это отсутствие контроля злило его, заставляя инстинктивно защищаться.

«Если он узнает, насколько я жесток, пожалеет ли он о своем доверии? Будет ли, как и все остальные, мечтать лишь о том, чтобы сбежать от меня?»

Представив, как на этом прекрасном лице проступит ужас и отвращение, Цзи Сюнь почувствовал странный трепет. В его сознании вспыхнуло почти непреодолимое желание разрушать, и он медленно, пугающе улыбнулся. Что ж. Это было бы... интересно.

<http://bllate.org/book/15341/1372786>